

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Из литературы по древнему востоку

G. DYKMANS — *Histoire économique et sociale de l'ancienne Egypte*, t. I — Des origines aux Thinites; t. II. — La vie économique sous l'ancien Empire; t. III. — L'organisation sociale sous l'ancien empire. Paris, 1936—1937.

Г. ДИКМАНС — *Экономическая и социальная история древнего Египта*, т. I. — С древнейших времен до тинисцев; т. II. — Экономическая жизнь в эпоху Древнего царства, т. III. — Социальный строй в эпоху Древнего царства. Париж, 1936—1937.

За последние годы египтология обогатилась большим количеством источников, позволивших приступить к изучению экономической и социальной истории древнего Египта. Судебные протоколы и акты, титулатуры и автобиографии вельмож, царственные грамоты, завещания, надписи в рудниках и каменоломнях и целый ряд других документов могут быть в этом отношении использованы экономистом и историком. В трудах буржуазных египтологов—Мейера, Морэ, Борхардта, Шпигельберга и др.— вскрыт ряд иногда существенных социально-экономических проблем; интересная книга Лукаса («Ancient égyptian matériels et industries», 1934) затрагивает вопросы технологии древнеегипетских материалов; в ценных трудах советского египтолога В. В. Струве содержится анализ проблемы рабовладения в древнем Египте. Однако отсюда еще далеко до построения цельной и всеохватывающей социально-экономической истории древнего Египта. Единственную попытку в этом направлении сделал бельгийский экономист Дикманс. Его объемистый трехтомный труд основывается на довольно хорошем знании египтологической литературы. В первом томе Дикманс дает развернутый очерк социально-экономических отношений в архаическом Египте. Второй том посвящен довольно подробному описанию «экономической жизни» Египта в эпоху Древнего царства. Наконец, в третьем томе Дикманс делает попытку обрисовать социальный строй этого периода. В этом последнем томе читатель найдет перечень фараонов первых шести династий и традиционный список номов с указанием их главных городов и тех богов, которым там поклонялись. Несмотря на обилие материалов, использованных Дикмансом, крупным недостатком его является то обстоятельство, что автор, не будучи специалистом-египтологом, не мог самостоятельно проработать документальных источников и поэтому должен был брать переводы из вторых рук. Этим объясняется ряд неправильных истолкований египетских текстов. Наконец, автор, являясь типичным представителем буржуазной науки, не в состоянии вскрыть всю глубину социально-экономических проблем. Про-

блема производственных отношений, вопрос об отличительных чертах данной социально-экономической формации остается вне поля зрения исследователя, ограниченного узкими рамками буржуазной политической экономии. Всячески затушевывая формы классовой борьбы, идеализируя деспотию, широко используя метод модернизации, Дикманс дает искаженную и во многих случаях резко неправильную картину социально-экономических отношений в древнем Египте, что, главным образом, объясняется неправильными методологическими установками и тенденциозностью автора. Принципиальные установки автора особенно четко выражены в заключении ко второму тому. Признавая большое значение фактов производства, переработки и обмена материальных ценностей в эволюции народа, автор, однако, резко отмежевывается от исторического материализма в следующих словах: «Но экономист не должен впадать в исторический материализм. Он ни в коем случае не должен забывать, что все его усилия должны, в конце концов, привести к синтезу, в котором сольются элементы социальные, юридические и идеологические» (т. II, стр. 287—288). Больше того, Дикманс всюду старается подчеркнуть значительную роль идеологического фактора. В этом отношении очень характерны его слова: «Каким образом можно, например, хорошо понять переход от индивидуалистической экономики к клеточному режиму (*régime cellulaire*) доминирующей экономики, если не учесть значения мистики царской власти, культа фараонов, связанного с распределением земельных богатств?.. Разве можно игнорировать влияние богословской продукции, концепций солнечного и озирийского культа на безупречный порядок имперской централизации, на административный механизм, на законы, которые управляют экономической жизнью» (т. II, стр. 288). С этой, несомненно, идеалистической концепцией автора тесно связана и его ясно выраженная идеализация древнеегипетской деспотии. Закрывая глаза на очевидные формы классового антагонизма и на значение государства, как аппарата насилия, Дикманс пишет: «Впрочем, не следует обманываться насчет значения фараоновского абсолютизма, который столь охотно изображают в качестве все подавляющего деспотизма. В качестве бога царь всемогущ, но боги справедливы. Положение людей и имуществ устанавливается одинаковым для всех законом» (т. III, стр. 51). Стремление оправдать древнеегипетскую деспотию, показать ее положительное значение ясно видно и в следующих словах Дикманса: «право—это то, что любит царь, говорится в текстах Пирамид; противоположное праву, это то, что он ненавидит. На практике существовали законные основы и пользовавшиеся уважением обычаи; закон страны находился под покровительством Маат, богини справедливости и истины. При этих условиях следует отвергнуть всякую мысль о произволе, даже царском, в судебной организации Древнего царства» (т. III, стр. 95). Вывод из всех этих положений Дикманс формулирует в краткой, но выразительной форме: «имперское единство было благодеянием» (т. II, стр. 289). Очевидно, буржуазному экономисту рисуется здесь утопический мираж идеальной надклассовой монархии, который он старательно выискивает в древнеегипетской истории.

Весь первый том своего труда Дикманс посвящает эпохе архаики. Дав сперва подробный географический обзор Египта, он говорит затем о происхождении человека в северо-восточной Африке и довольно подробно описывает стадии палеолитической, неолитической и халколитической культуры Египта. Опираясь на очень большой фактический материал, Дикманс пытается по возможности исчерпывающе охарактеризовать формы материального быта древнейшего Египта. Однако некоторые проблемы, которые могли бы ему дать особенно богатый материал для реконструкции экономики и социальных отношений древнейшего Египта, он обходит почти полным молчанием. Такова проблема геометрического орнамента эпохи халколита, о котором он бегло упоминает на стр. 45—46. Анализ этого орнамента в связи с эволюцией древнеегипетской иероглифики позволяет вскрыть интереснейший вопрос об отражении в письменности и рисунке процесса образования земледельческого хозяйства и общинного

строя¹ в архаическом Египте (см. мою статью «Сельская община и искусственное орошение в древнем Египте», «Историк-марксист» 1934, № 4). Такого рода пробелы, иногда встречающиеся в очень полном и насыщенном всякого рода материалами труде Дикманса, объясняются недоучетом иероглифической письменности, которая, несомненно, является важнейшим источником для реконструкции древнеегипетской истории. Нельзя экономические и социальные отношения древнего Египта восстанавливать, исходя из данных сравнительной этнологии, как это делает Дикманс. Такого рода метод приводит к неизбежному абстрактному схематизму, которым, как правило, страдают труды современных этнологов и социологов. Поэтому картина социальных отношений архаического Египта, данная Дикмансом, отличается крайней обобщенностью и неясностью. Вопрос о земельной собственности решается им на основании Дигестов и трудов современных социологов. Представления о сельской и семейной общине отличаются крайней спутанностью. И в столь же общей, оторванной от реальной исторической действительности, форме рисует Дикманс процесс появления социальных классов:

«В каждой данной группе единство и равенство членов класса не могут образовать длительно существующего состояния. Физические и психические различия постоянно выходят из рамки эгалитарного принципа. Моральный авторитет и имущественное разделение существуют потенциально и фактически. Частная земельная собственность, наследственная передача семейного надела скоро кристаллизуют неравенство людей. К тому же земли не обладают ни одинаковой ценностью, ни одинаковым плодородием. Семьи, которые их обрабатывают, не одинаково сильны, к тому же способности не в равной степени распределены между людьми. С этих пор социальное различие положений уже ничем не сдерживается. Это различие сохранится и углубится в связи с войнами, в качестве имманентного закона человеческого общества» (т. I, стр. 131—132). Так рисует буржуазный экономист процесс образования классов, всячески стараясь затушевать элемент эксплуатации и классовой борьбы.

Совершенно не учитывая специфических отличий каждой отдельной социально-экономической формации, автор широко пользуется методом модернизации, прилагая к Египту архаической эпохи мерки и формы значительно более поздних эпох. Так, автор считает возможным говорить о том, что в Верхнем Египте в эпоху первой культуры Негада (V тысячелетие до н. э.) существовал феодальный строй, в то время как в Дельте процветали приморские торговые города. По мнению Дикманса, в этих городах существовал демократический строй, примирявший население, состоявшее из моряков, с земельной знатью, благодаря посредничеству зажиточной буржуазии, выросшей в условиях торгового быта (т. I, стр. 194). Больше того, Дикманс пытается установить связь между этим поистине фантастическим социально-политическим строем архаического Египта и религиозными верованиями древних египтян этой эпохи. Культ древнего героизированного царя Анеджти-Озириса, покровителя культурной жизни, Дикманс изображает в качестве культа «бога народных масс, который в качестве такового стоит во главе правительства, проникнутого народными тенденциями» (т. I, стр. 194). Само собой разумеется, что вся эта чрезвычайно искусственная конструкция основывается на очень шатком основании лишь значительно более поздних религиозных текстов, главным образом, текстов пирамид эпохи V—VI династий. Эти тексты дают возможность историку реконструировать историю междоусобных войн эпохи архаики и процесс объединения страны, но не дают достаточного материала для характеристики социальных отношений этого древнейшего периода. Поэтому гипотеза Дикманса является абсолютно произвольной и исторически не доказанной. Больше того,

¹ На крупное значение сельской общины на древнем востоке недавно указал акад. Н. М. Никольский в статьях, напечатанных в ВДИ № 3 (4) и 4(5) 1938 г. Мне приходилось также выступать, притом еще в 1934 г., против вульгаризаций в оценке социального строя на древнем востоке.

теория существования «республиканских городов» в Дельте в эпоху архаики резко противоречит той характеристике древнейших египетских городов, которую дает в том же самом труде Дикманс, следуя, впрочем, аналогичным высказываниям Морэ и Бартона. Дикманс считает эти города очень примитивными, не находя даже возможным их сравнивать с классическим типом «эллинского полиса». По его мнению, это нечто вроде поселка клана охотников, которые превратились в оседлых земледельцев (т. I, стр. 172). Конечно, такой строй дает право историку говорить о сельской и семейной общине, но исключает даже возможность намека на «городскую демократию республиканского типа», характерную для значительно более развитых форм общества.

Второй том работы Дикманса посвящен описанию экономической жизни древнего Египта в эпоху Древнего царства. Используя довольно значительную египтологическую литературу, Дикманс пытается по возможности полно охарактеризовать различные формы древнеегипетской экономики. Он описывает земледелие, основанное на искусственном орошении, скотоводство, охоту и рыболовство, добычу руды и камня, обрабатывающую «промышленность» (вернее, следовало бы сказать—ремесло), т. е. изготовление тканей, обработку дерева, кожи, кости, металлургию, обработку камня и глины, изготовление фаянса и стеклянной пасты и красок. Несмотря на кажущуюся полноту этого довольно обстоятельного очерка древнейшей египетской экономики, мы найдем в нем немало пробелов. Так, например, Дикманс ничего не говорит о времени появления древнейшего плуга, очевидно, не используя в этом отношении интереснейший материал архаической иероглифики, сохранившей древнейшие изображения плуга. Далее, Дикманс не анализирует причин застойности древнеегипетской земледельческой техники, которая, конечно, теснейшим образом связана с застойностью социальных отношений в эпоху разложения родового строя и образования древнейшего рабовладельческого строя. Еще Маркс в свое время указал на то, что для рабовладельческой эксплуатации труда характерны «плуги старокитайской конструкции, которые взрывали землю, как свинья или крот, но не делали борозды и не переворачивали ее» («Капитал», т. I, стр. 134, М., 1930). Конечно, только историк, владеющий марксистским методом, может понять и вскрыть внутренний смысл этих важнейших фактов социально-экономической истории. Буржуазный историк принужден либо искажать их, либо обходить их молчанием. Ничего не говорит Дикманс также и о происхождении и акклиматизации хлебных злаков, хотя этот вопрос имеет громадное значение для вскрытия истоков древнейшей египетской культуры.

Исследования акад. Н. И. Вавилова, обнаружившие в Абиссинии наличие дико растущих хлебных растений, которые могли быть акклиматизированы древними египтянами в эпоху появления земледелия, а также то обстоятельство, что в неолитических стоянках в Фаюме были обнаружены зерна, резко отличающиеся от переднеазиатского зерна, ясно указывают на праафриканские корни древнейшего египетского земледелия и тем самым всей культуры. Целый ряд пробелов найдем мы и в следующих главах книги Дикманса, посвященных описанию древнеегипетских ремесел. Говоря о добыче и обработке золота, Дикманс пользуется значительно более поздними надписями, относящимися ко времени Среднего и Нового царства, а также известным рассказом Агатархида, сохранившимся у Диодора (III, 11). Гораздо более ценным было бы использование надписей времени Древнего царства, лингвистического материала и археологических находок, относящихся к изучаемому периоду. Говоря о меди, Дикманс не указывает на то, как медленно медь вытесняла камень, который в течение долгого времени использовался для изготовления орудий и сосудов. Для иллюстрации этого существенного факта, характеризующего застойность древнеегипетской техники, Дикманс должен был бы привести цитаты из Палермской летописи, в которых наряду с событиями важнейшего политического значения упоминается об изготовлении больших царских статуй и лодок из меди, что, очевидно, в эпоху

Древнего царства еще воспринималось как техническая новинка и что поэтому указывается на очень медленное развитие металлургии (AZ, 53, S, 50 f.)

Далее Дикманс несколько недооценивает значение железа в древнеегипетской металлургии. Находки железных предметов, относящихся ко времени Древнего царства, известное указание Геродота на применение железных орудий при постройке пирамид и частое повторение в текстах Пирамид слова железо (*bja n pt*, откуда и коптское *BENINE*) указывает на то, что железо, очевидно, метеоритного происхождения, играло некоторую роль в египетской металлургии времени Древнего царства.

Дав очерк экономической жизни древнего Египта, Дикманс пытается дополнить его очерком социальных отношений в эпоху Древнего царства. Всецело следуя за Пиренном, Дикманс пытается установить в эпоху III—IV династий наличие мелкой крестьянской собственности и индивидуалистического права (*régime juridique essentiellement individualiste*, vol. II, p. 100), сочетающегося с формами абсолютной монархии, вслед за чем, по мнению Дикманса, наступает упадок мелкой крестьянской собственности, усиление поместной аристократии, ослабление центральной власти, образование феодального и сеньериального права, свидетельствующего о наступлении в эпоху VI династии новой эры феодализма. Вся эта реконструкция социальных отношений древнейшего Египта, являющаяся типичным образцом применения буржуазной и реакционной теории циклизма, отличается большой искусственностью и необоснованностью. Так, например, факт расцвета мелкой крестьянской собственности Дикманс выводит из указания Палермской летописи о том, что счисления полей производились каждые два года (т. 2, стр. 95). Но этот факт может также объясняться расширением территории пахотных земель, принадлежащих сельским общинам, а, с другой стороны, захватом части общинных земель государством. Единичное указание на покупку земельного участка в надписи Метена еще ни в коем случае не говорит о широкой мобилизации земельной собственности. Укрепление патриархальной семьи, нашедшее свое выражение в концентрации имущества, в праве единонаследия и первородства и в привилегированном положении старшего сына, конечно, не является переходом от индивидуалистического права к праву семейному, содействуя появлению олигархии и неофеодализма, как то думает Дикманс. Эту патриархальную семью мы найдем во всех древневосточных обществах, отличительной чертой которых является появление древнейших форм рабовладения. Именно в патриархальной семье возникают древнейшие формы рабства, как на то ясно указал в свое время Маркс:

«Имеющееся в скрытом виде в семье рабство развивается лишь постепенно с ростом населения и потребностей и с расширением внешних сношений в виде войн и меновой торговли» («Немецкая идеология», 1934, стр. 12).

Конечно, «феодальная» концепция Дикманса не дает ему возможности признать наличие рабства в Египте в эпоху Древнего царства. Стараясь всячески замазать формы классовой борьбы и эксплуатации, Дикманс отрицает существование частновладельческого рабства в эпоху Древнего царства, указывая на то, что филологически нельзя доказать существования термина для обозначения слова «раб». Это указание Дикманса неправильно. Термин «джет», буквально означавший «тело», служил для обозначения слова «раб», совершенно так же, как греческое слово *σῶμα*. Столь же неправильно и утверждение Дикманса, что «ни в одной надписи эпохи первых шести династий не упоминается о таком состоянии, которое можно было бы отнести к состоянию частновладельческого раба» (т. II, стр. 12). Этот тезис легко опровергается той цитатой из одной автобиографии эпохи IV династии, которую тут же приводит сам Дикманс и которая гласит о запрещении одного чиновника «отчуждать поле, людей и всякий скот» (*ibid*, p. 123). То обстоятельство, что здесь предусматривается возможность продажи людей, наряду с землей и со скотом, указывает на то, что здесь имеются в виду рабы.

Существование феодализма доказывается Дикмансом, впрочем, как и всеми осталь-

ными буржуазными историками и экономистами, изучавшими историю древнего Востока, лишь на основании фактов децентрализации египетского государства в эпоху VI династии. Производственные отношения здесь в полной мере заслоняются фактами надстроечного порядка. Факт ослабления центральной власти и распада государства на отдельные составные части считается вполне достаточным для того, чтобы определить весь этот строй в качестве феодального.

Стремясь доказать наличие довольно сложных социально-экономических отношений в древнейшем Египте, Дикманс допускает существование в эту эпоху денежного обращения (т. II, стр. 252—253). Однако это резко противоречит указанию самого Дикманса на то, что обмен в Египте в эпоху пирамид совершался совершенно так же, как у современного культурно-отсталого племени баконго. Само собой разумеется, что в условиях очень примитивного социально-экономического быта, в условиях общинного строя, когда преобладали формы натурального хозяйства, выражавшиеся в существовании чисто натуральных повинностей (т. III, стр. 33), денежного обращения в нашем смысле слова в древнейшем Египте быть не могло. Весьма возможно поэтому, что та единица определения стоимости товаров «шат», которая упоминается в древнеегипетских текстах, есть не что иное, как что-то вроде весовых металлических денег, которые, как известно, существовали в древнем Египте, но от которых еще очень далеко до системы денежного обращения.

Неправильной является далее характеристика египетского государства эпохи Древнего царства, как вполне мирного государства (*essentiellement paisibles et peu soucieux d'un prestige guerrier*, v. III, p. 109), однако опирающегося на хорошо организованную армию (*armée nationale bien organisée*, *ibid.*). Внимательное изучение надписей этого периода показывает нам, что египтяне в эту эпоху ведут довольно значительную военную политику, имеющую своей целью завоевание Синайского полуострова и областей Нубии, прилегающих к южным границам Египта. С другой стороны, трудно назвать египетское войско хорошо организованной армией (см. мою статью «Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего царства», ВДИ, 1938, № 1). Таким образом, и эта попытка модернизации древнеегипетской истории является неудачной.

Наконец, довольно часто Дикманс совершенно произвольно толкует древнеегипетские тексты, не имея для этого достаточных знаний в области древнеегипетского языка и даже не приводя иероглифических текстов. Так, например, приводя цитату из надписи Метена, в которой говорится, что мать Метена оставила ему по наследству земельный участок на основании «царского свитка» (*a nst*), Дикманс делает вслед за Морэ отсюда вывод, что этот «царский свиток» есть письменная нотариальная фиксация гражданской сделки между частными лицами (т. III, стр. 76). Но из текста этого не видно. Мать Метена могла передать ему по «царскому свитку» земли, которыми она лишь временно владела и которыми распоряжался царь. Это тем более вероятно, что в той же надписи говорится о царском пожаловании Метену: «приказ был дан передать Метену по царскому свитку 4 участка хорошей земли». Следовательно, царский свиток (*a nst*) не есть нотариальная фиксация всякой гражданской сделки, как то думает Дикманс, а документ на царское пожалование.

Таковы те основные и глубоко принципиальные, а также фактические ошибки, которые мы должны констатировать в труде Дикманса. Они целиком определяются буржуазным мировоззрением автора, его стремлением замазать формы классовой эксплуатации и борьбы, его попытками идеализировать древнейшее рабовладельческое общество, наконец, применением метода модернизации, который стирает отличительные особенности данной социально-экономической формации. Объективное изучение фактов, вытекающих из анализа древнеегипетских текстов, рисует нам совсем иную картину социально-экономических отношений, существовавших в Египте в эпоху Древнего царства. Эти отношения характеризуются разложением родового строя и возникновением элементов древнейшего рабовладельческого общества.

«Histoire de l'Orient ancien. L'Égypte des pharaons». par JEAN CAPART. *«L'Asie occidentale ancienne»* par le Dr. G. CONTENAU. *Histoire racontée à tous*. Hachette. Paris, 1936, 336 pp.

«История древнего Востока». I. Ж. КАПАР — *Египет эпохи фараонов*. II. — Г. КОНТЕНО — *Древняя Западная Азия*. Париж, 1936, 336 стр.

Историк, изучающий историю древнего Востока, располагает в настоящее время огромным количеством документальных источников и большим археологическим материалом, который дает возможность восстановить процесс исторического развития древнего Египта и государств древней Передней Азии в течение ряда тысячелетий как в целом, так и в отдельных частях. Поэтому вполне обоснованными являются попытки современных историков использовать громадный, накопленный в течение целого столетия, фактический материал для составления больших обобщающих работ, доступных не только для узкого круга специалистов, но также и для широких кругов читателей. Среди такого рода работ особенное внимание привлекает «История древнего Востока», написанная крупным бельгийским египтологом Ж. Капаром и одним из крупнейших французских ассириологов Г. Контено.

Не претендуя на исчерпывающую полноту изложения, а также на критический анализ фактического материала, научных контроверз и проблем, авторы ставят перед собой задачу дать связанные единством общей темы очерки по истории древнего Востока, выдвигая на первый план ряд новых и оригинальных вопросов. Такая конструкция книги облегчает авторам трудную задачу популяризации сложного, пестрого и узко-специального научного материала. Книга, написанная легким и простым языком, читается и усваивается легко и быстро.

Некоторым недостатком общего построения всей книги в целом является неуравновешенность, скорее, неравноценность ее двух основных частей. Вторая ее часть, посвященная истории Западной Азии в древности, написана крупным французским ассириологом Контено с большим знанием дела. Опираясь на глубокое знание исторических источников и на самостоятельную проработку ряда исторических проблем, автор дает обзор исторического развития древних народов и государств Передней Азии. Капар, автор первой части, посвященной древнему Египту, будучи специалистом лишь по истории древнеегипетского искусства, не смог дать столь же связного очерка древнеегипетской истории. Чувствуя и сам свою недостаточную историческую подготовленность, он в предисловии, как бы оправдываясь перед читателем, указывает на то, что его долготелая египтологическая работа оправдывает его смелость и его намерение «рассказать всем историю Египта». Но трудно даже такому крупному искусствоведу, как Капар, который обладает большой филологической подготовкой, стать историком. Механизм исторического развития остается скрытым для эстета-импрессиониста, видящего перед собой лишь внешнюю форму явлений.

Как из окна вагона быстро мчащегося экспресса смотрит Капар на древний Египет, на его историю и культуру. В этом отношении характерны даже заглавия отдельных глав: «Египет, его пейзажи и развалины», «Смерть Египта», «Воскресение Египта». Следуя установившейся традиции, автор начинает свой исторический обзор с описания естественных условий страны. В этом отношении он проявляет похвальную осторожность, указывая на то, что не следует преувеличивать влияния природы на судьбы народа. Однако значение естественных условий Египта вскрыто автором далеко не полностью. Автор обошел полным молчанием важнейшую проблему значения Нила и его периодических разливов для организации системы искусственного орошения и для развития земледельческого хозяйства. Также обойден вопрос о естественных богатствах страны и древнейших торговых путях. Наряду с этим мы встречаем и несколько странные высказывания. Так, Капар считает, что «настоящим» Египтом является Дельта. Принимая во внимание глубокие праафриканские корни древнеегипетской

культуры, тесную историко-культурную связь между Верхним Египтом и Нубией, а также и то обстоятельство, что племена, жившие в Дельте, с древнейшего времени соприкасались с эгейским и переднеазиатским миром, Верхний Египет следует считать таким же «настоящим» Египтом, как и Нижний. Столь же необоснованным является и утверждение автора, что «только иностранцы всегда смотрели на Нил, как на всегда открытый путь сообщения» (стр. 8). Мы знаем, что уже начиная с архаической эпохи Нил был важнейшей магистралью, соединявшей между собой как отдельные части Египта, так и области глубинной Африки со Средиземноморским побережьем Дельты. Необычайно широкое распространение водного транспорта в древнем Египте ясно указывает на то, что Нил с древнейшего времени был важнейшей торговой магистралью страны. Впрочем, сам Капар несколько дальше (стр. 10) принужден указать на очень выгодное географическое положение Египта, находившегося на стыке трех материков. И действительно, Средиземноморское побережье Египта было издавна связано морскими путями с эгейским миром, Суэцкий перешеек соединял Египет с Азией, а Верхний Нил, по выражению Капара, был «дверью, открытой по направлению к Африканскому материку». Углубленное изучение целого ряда проблем египетской истории показывает, как тесно связан был древний Египет с древними народами и государствами этих трех материков, начиная с эпохи архаики. Конечно, важнейшей торговой магистралью в этой системе международных торговых путей был Нил.

В следующей главе — «Смерть Египта» — автор описывает эпоху упадка и гибели древнеегипетской культуры. Однако и здесь мы найдем некоторые неточности, которые объясняются тем, что Капар в общих чертах следует установившимся в науке взглядам, далеко не всегда подвергая их самостоятельному пересмотру. Так, говоря о разрыве традиций в эпоху проникновения в Египет греко-римских влияний, а впоследствии установления христианства, Капар всюду подчеркивает резкий разрыв между древневосточной и античной культурой, что является принципиально неправильным. В связи с исчезновением иероглифической письменности в эту эпоху Капар говорит о том, что, судя по трактату Горуполлона о иероглифах, древнеегипетская иероглифическая система уже больше не понималась (стр. 18). Конечно, в данном случае автор несколько преувеличивает. Целый ряд иероглифических знаков истолкован Горуполлоном более или менее правильно (например, лунный серп — месяц; сокол — Гор-бог; письменные принадлежности — письменность, писец; рыба — ужас, отвращение; крокодил — гнев, перо — справедливость и т. д.). Далее, Горуполлон в значительной степени использовал труд Херемона, основанный на довольно хорошем знании египетской письменности. Так, Цецес, приводя выдержки из Херемона, указывает на фонетическое значение некоторых иероглифов. Поэтому, нельзя вслед за Капаром утверждать, что «греки и римляне никогда не могли схватить истинный механизм» иероглифической системы. Если античные авторы почти всегда указывали лишь на символизм иероглифов, то это объясняется случайным характером этих высказываний. Ведь систематические труды античных писателей в этой области почти не сохранились. Таким образом, использование *argumentum ex silentio* в данном случае недопустимо.

Стремясь сделать свой труд максимально доступным для неподготовленного читателя, автор сознательно или, может быть, даже бессознательно, приносит этому в жертву необходимый в таком труде историзм. Так, в очень беглом и крайне неполном обзоре источников Капар говорит о легендах, исторических романах и поэмах, автобиографиях вельмож, летописях и других текстах, но обходит молчанием целый ряд не менее важных документов, как, например, судебные документы, письма, описание социального переворота, сохранившееся в тексте Лейденского папируса № 344, деловые документы и многие другие источники, вскрывающие социально-экономическую историю древнего Египта. В подходе к проблеме источников сказывается недостаточный историзм Капара, которого следует скорее считать искусствоведом, нежели историком.

Очень краткий и очень поверхностный обзор древнеегипетской истории, данный Капаром, содержит в себе простой перечень фактов политической истории, данный в хронологическом порядке, без всякого учета социально-экономического фактора. Характерным для автора является совершенно неправильное определение египетской аристократии, как феодальной (стр. 81), причем автор, следуя за большинством буржуазных историков древности, не дает себе даже труда расшифровать это понятие.

В последних главах своего труда Капар пытается определить место Египта среди соседних стран и народов и дать очерк египетской культуры. Сознывая то громадное значение, которое религия имела в жизни древних египтян, Капар пытается дать по мере возможности и подробный очерк древнеегипетской религии. Однако, не будучи специалистом-историком, тем более историком религии, Капар приходит к печальному для буржуазной науки выводу. Вывод этот заключается в том, что египетская религия есть «область, в которой почти целиком потерян ключ для правильной интерпретации фактов» (стр. 123). Это печальное *ignotum* невольно звучит осуждением всей буржуазной науки древней истории.

Вторая часть книги, посвященная истории древней Западной Азии, написана одним из крупнейших современных буржуазных ассириологов—Контено. Опираясь на довольно большой фактический материал, Контено в ряде очерков дает обзор исторического развития стран и народов Передней Азии. Общая историческая концепция Контено довольно ясна. Она сводится к проведению религиозно-государственной идеи. Тенденциозно затушевывая факты классовой борьбы и эксплуатации трудовых масс правящим классом аристократии, Контено пытается изобразить древневосточное деспотическое государство, опирающееся на религиозную санкцию царской власти, как нечто положительное. Очень показательна в этом отношении характеристика вавилонского государства эпохи Хаммураби и деятельность самого Хаммураби. Контено называет это государство прочным, унифицированным и однородным целым, забывая о неравноправном положении покоренных племен и о том, что Шумер в течение долгого времени сохранял своеобразные черты своей экономики и культуры.

Говоря о деятельности Хаммураби, Контено совершенно необоснованно подчеркивает его «благоразумное управление» (стр. 216) и его заботу «дать своим подданным хорошие законы» (стр. 223). Принимая во внимание довольно резкую классовую направленность вавилонских законов этой эпохи, стремление законодателя всячески оградить интересы рабовладельцев и крупных землевладельцев, следует признать, что Контено, конечно, искажая историческую картину, сильно идеализирует древнейшее рабовладельческое государство. С этим связана и попытка автора несколько модернизировать факты древневосточной истории. Так, говоря о крупном храмовом хозяйстве в Шумере, Контено сравнивает шумерийские храмы с банками, производящими кредитные операции (стр. 209), а ассирийских купцов в Каппадокии называет торговцами и банкирами (*négociants et banquiers*, стр. 219). Само собой разумеется, что развитые формы денежного хозяйства не могли существовать в древнем Шумере при условиях меновой торговли, когда лишь впервые стали появляться первые товарные эквиваленты стоимости.

В целом ряде мест чувствуется и та религиозная тенденция, которая очень осторожно и в несколько завуалированной форме проводится Контено. Так, например, он пытается подвести историческую базу под некоторые библейские рассказы и легенды. Реконструируя тот путь, который, по его мнению, привел «клан Авраама» из Шумера в Ханаан, а затем в Египет, Контено пробует связать библейские имена и рассказы с фактами вавилонской истории эпохи Хаммураби, хотя сам принужден признать ряд трудностей, которые при этом возникают (стр. 217). Наконец, известные библейские сказания об «исходе Израиля из Египта» и о странствиях его под руководством Моисея в Синайской пустыне излагаются автором почти догматично, следуя обычной богословской схеме, что сразу обнаруживает антиисторическую, религиозную тенденцию автора.

Чисто исторические построения и выводы автора, почти всегда основывающиеся на хорошем знании источников, все же иногда страдают некоторой гипотетичностью и неточностью. Так, сравнивая культуру древнейшей Месопотамии в эпоху Джемдет-Нагр с культурой архаического Египта, автор для объяснения целого ряда существующих между ними черт сходства снова выдвигает старую гипотезу о завоевании Египта в додинастическую эпоху азиатским племенем, принесшим в Египет ряд элементов типично азиатской культуры. Однако эти черты сходства могут быть объяснены тождественными социально-экономическими отношениями и одинаковым путем развития культуры в этих странах. Элементы сходства можно найти в различных системах пиктографической письменности, возникшей вполне самостоятельно у ряда древневосточных народов (египтяне, шумерийцы, хетты, индусы, китайцы). Другие черты сходства могут быть объяснены довольно значительным для той эпохи торговым и культурным обменом, который тесно связывал Переднюю Азию с Египтом, чего, впрочем, не отрицает и сам Контено. Что же касается крупного завоевания Египта в додинастическую эпоху азиатским племенем, то ни месопотамские, ни египетские источники не дают в этом отношении никаких твердых указаний. Видеть же в мифе о борьбе между Сэтом и Гором далекий отголосок этой древней войны между египтянами и азиатами довольно трудно, так как Сэт в эту древнюю эпоху был, очевидно, местным египетским божеством, обоготворившимся в Омбосе.

В следующем, довольно подробно изложенном разделе, касающемся шумерийского периода, автор, к сожалению, обходит два довольно существенных вопроса: вопрос о взаимоотношении между шумерийцами и соседними народами, а также вопрос о распространении и сфере влияния шумерийской культуры. Результаты последних раскопок в Уре, в Кише, в Эшнунне, в Хафадже и в Мари уже не позволяют теперь говорить о том, что шумерийцы в эпоху III династии Ура «постепенно вытесняются более молодыми силами» (стр. 208). Борьба между шумерийцами и семитскими племенами Аккада, Мари и Амурру шла давно, причем она в значительной степени осложнялась длительной борьбой между Шумером и Эламом. Очень неясен также и самый термин «молодые силы», поскольку некоторые соседние племена, издавна враждовавшие с Шумером, были носителями довольно древней культуры. Наконец, археологические раскопки последних лет позволяют уже в общих чертах говорить о сфере распространения и влияния древнешумерийской культуры. Контено указывает лишь на влияние шумерийского искусства в Малой Азии в эпоху ассирийских колоний в Каппадокии (стр. 220—221). Раскопки в Керкуке, в Эшнунне и Мари указывают на довольно сильное влияние шумерийской культуры на древние племена, жившие в Аккаде, на западных берегах Евфрата и даже в Ассирии.

Очень неясно и неточно характеризует Контено один из важнейших фактов истории Передней Азии в конце III тысячелетия до н. э.—факт экономического проникновения Ассирии в Малую Азию. Говоря об ассирийских колониях в Каппадокии и рисуя их хозяйственный быт на основании документов из Гюль-Тепе, Контено говорит об ассирийской оккупации и об ассирийском завоевании (стр. 218), хотя здесь следовало бы в первую очередь указывать на факт проникновения довольно сильно развитой ассирийской торговли в Каппадокию, населенную в ту эпоху, пользуясь термином Контено, азиатскими племенами.

Наконец, исходя из буржуазной концепции развития религиозных воззрений, Контено не в состоянии понять и правильно оценить резкое различие между древней формой культа бога Мардука, как бога растительности и природы, и более поздней формой культа этого бога, превратившегося в эпоху образования классового общества и государства в бога власти и господства, на что ясно указывают его титулы «царь неба и земли», «владыка владык», «царь царей» и т. д. Контено считает, что и в том и в другом случае Мардук является «богом с общими атрибутами, верховным богом» и что при произошедшей в его культе перемене оттенок различия мало заметен

(стр. 224). Не учитывая значения социально-экономического фактора, Контено не в состоянии объяснить ту резкую перемену, которая происходит в религии в периоды перехода от родового строя к рабовладению, когда религия богов природы превращается в культ богов власти, считающихся покровителями деспотического государства и царя.

Таковы те основные недостатки в работе Контено, которые целиком вытекают из узости и тенденциозности современной буржуазной историографии, упорно не желающей считаться с единственно правильными принципами марксистско-ленинской исторической науки.

«*Древний Восток*». Атлас по древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая. Составил И. Л. СНЕГИРЕВ под редакцией акад. В. В. СТРУВЕ. Социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение. 1937. IV + 64 стр. 244 табл.

Преподавание и изучение истории часто требуют привлечения громадного подсобного материала, главным образом, предметов материальной культуры и быта, а также произведений искусства, характеризующих уровень культурного развития того или иного народа. Особенно необходимо это при изучении древней, в частности древневосточной, истории, так как недостаточное количество, а иногда и полное отсутствие документальных данных заставляет исследователя и преподавателя в значительной степени основываться на вещественных памятниках старины. Исследователь в некоторых случаях располагает этими материалами, которые все же всегда трудно доступны, так как они разбросаны в узко специальных, часто громоздких и редких изданиях. Преподаватель же находится в гораздо худших условиях. Не имея порой даже необходимой ему научно-популярной литературы (как, например, по истории древней Индии и древнего Китая), он даже не может мечтать о том, чтобы хотя бы одним глазком заглянуть в монументальные научные труды. Поэтому преподавание истории в средней и в высшей школе часто обесцвечивается и поневоле сводится к однообразному схематизму. Избежать этого можно было бы при наличии хороших и полезных атласов и наглядных пособий, конкретно рисующих отдельные моменты и этапы истории и культуры данного народа.

Атлас по древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая, составленный И. Л. Снегиревым под редакцией В. В. Струве, издан, очевидно, с целью восполнить хотя бы в слабой степени этот пробел и дать хотя бы некоторый конкретно-исторический материал студентам исторических факультетов и преподавателям истории. Учитывая то громадное внимание, которое в настоящее время обращается на издание учебников и пособий, необходимых для преподавания истории, следует приветствовать эту несколько запоздалую инициативу Социально-экономического издательства, роскошно издавшего атлас И. Л. Снегирева по истории древнего Востока. Этот атлас содержит довольно значительный и добросовестно подобранный материал по истории культуры древнего Востока. На 244 таблицах помещено множество иллюстраций, характеризующих культуру древнего Египта, Месопотамии, Палестины, Сирии, Митанни, Хеттов, Урарту, Ирана, Индии и Китая. В каждом разделе дан сперва археологический материал, а потом иллюстрации—в большинстве случаев репродукции с подлинных памятников,—рисующие экономику, классовую структуру, науку, письменность, литературу, изобразительные искусства и религию. Наряду с многочисленными штриховыми рисунками здесь помещены фотографии и даже цветные таблицы. Однако одновременно с этим следует отметить и некоторые недостатки этого атласа, произошедшие как по вине издательства, так и вследствие недосмотра самого автора.

Наиболее существенным недочетом данной книги являются ее неполнота и неравномерное распределение материала. Читатель, доверчиво относящийся к титульному листу, надеется увидеть перед собой «атлас по древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая»: однако составитель в своем предисловии уже на первой странице разочаровывает читателя, указывая ему на то, что данное издание преследует цель «наглядным путем передать общественную жизнь народов древнего Востока и их богатейшее культурное наследие» (стр. 3). Таким образом, составитель намеренно несколько сужает рамки своей работы, отмечая весь материал, могущий иллюстрировать важнейшие факты политической истории, и ограничиваясь систематизацией изображений в пределах социально-экономической и культурной истории. Этот недочет политической, гражданской истории, преподавание которой особенно рекомендуется постановлениями партии и правительства, значительно снижает ценность атласа И. Л. Снегирева.

С другой стороны, составитель атласа крайне неравномерно распределил тот иллюстративный материал, который находился в его распоряжении. Большая часть таблиц отведена под древнюю историю Египта и Передней Азии и всего лишь 26 (т. е. около 10%) заполнены материалом, относящимся к древней Индии и Китаю. Но ведь именно в данном случае преподаватель, почти не имея в своем распоряжении литературы, особенно нуждается в иллюстрациях, характеризующих историю и культуру Южной и Восточной Азии в древности. Составитель атласа, совершенно не считаясь с потребностями читателей и с требованиями программы, ограничился лишь рамками древнейшей истории Индии и Китая, совершенно пропустив важнейшие разделы брахманского и древнебуддийского периода в истории Индии, а также эпох Чжоу, Цинь и раннего периода Хань в истории Китая.

Очень неравномерно распределен материал и в отдельных разделах атласа. Так, например, в разделе Египта из 116 таблиц 67 отведены под искусство, в то время как социально-экономические отношения показаны на 24 таблицах, науке отведены только 3, письменности 2, а религии, игравшей такую колоссальную роль на древнем Востоке, всего лишь 9 таблиц. Можно думать, что эта неравномерность в распределении материала объясняется тем, что составитель не имел в своем распоряжении всей необходимой научной литературы. Так, например, он не использовал громадного и очень ценного атласа по истории культуры древнего Египта, составленного Врешинским, специального атласа по истории религии, принадлежащего Гаазу, монументальных археологических и культурно-исторических изданий, выпущенных «Egypt Exploration Fund», «Egypt Exploration Society», «British School of Archeology», «Service des antiquités de l'Égypte», и таких важных новейших изданий в области египтологии, как, например, Davis—Ancient Egyptian painting. 1936. Capart—Documents pour servir à l'étude de l'art égyptien, vol. I—II. 1931; Reiser—Mycerinus. 1931, Medinet-Nabu. 1930. По истории древней Месопотамии не использованы роскошные альбомы, изданные археологической экспедицией, раскопавшей Ур («Ur Excavations»), интересные памятники, обнаруженные в Эшнунне и в Хафадже¹, и монументальное издание рельефов из дворца Сеннахериба. В очень кратком отделе «Палестина и Сирия» составитель не использовал ценного труда Ватцингера по археологии Палестины, большой книги Montet—Byblos et l'Égypte. Paris, 1928, археологических материалов, полученных во время раскопок Сидона и Иерихона, и в совершенно недостаточной степени использовал интереснейшие результаты раскопок в Бейсане и в Рас-Шамре.

Научное и педагогическое значение атласа И. Л. Снегирева снижается также и целым рядом досадных пропусков. В разделе египетской архаики отсутствует изображение типичного для той эпохи скорченного погребения; на таблице, иллюстрирующей сред-

¹ См. мою статью «Раскопки в Тель-Асмаре», «Историк-марксист», 1937, № 5—6.

ства передвижения древних египтян (№ 22), отсутствует колесница, игравшая большую роль в сухопутном транспорте; среди рисунков, характеризующих классовую структуру древнего Египта, нет изображения жреца, столь типичной фигуры древнеегипетского общества. Далее, в разделе египетской науки пропущена медицина, а в отделе письменности нет наглядной таблицы различных систем письменности, позволяющей проследить их взаимоотношения и эволюцию. В отделе египетской музыки и танца не показаны наиболее существенные моменты, как, например, большие музыкальные ансамбли и массовые танцы под аккомпанимент музыки. Такие же значительные пропуски можно найти и в других главах атласа. Так, в главе «Месопотамия» нет ни одного изображения, рисующего развитие ремесла, а в части, посвященной хеттам, не использован интереснейший материал раскопок Биттеля и Гютербока.

Объяснительный текст, сопровождающий таблицы, состоит из кратких аннотаций под рисунками и более подробного текста, вынесенного в целый ряд кратких предисловий. Основными недостатками этого текста является неясность формулировок и терминов, неполнота, неточность, наличие недоказанных гипотез и своеобразие транскрипции собственных имен.

Как и во всяком учебном пособии, так и в этом атласе все формулировки должны были бы отличаться предельной четкостью и ясностью. Однако мы это далеко не всегда можем констатировать. Приведу несколько примеров:

На стр. 8 автор, говоря о войнах в доклассовом обществе Северной Африки и Египта, устанавливает следующий не совсем ясный тезис: «Последние факты производства оружия были совершенно очевидно вызваны определенными потребностями общества». Ни в этом тезисе, ни в попытке его дальнейшего развития мы не найдем разъяснения того, что подразумевает автор под словом «определенные потребности общества». Есть ли это простой грабеж, есть ли это хозяйственная потребность, есть ли это борьба с кочевниками? Вопрос остается темным и неясным.

На стр. 9 говорится о том, что «штандарты играют в развитом классовом обществе роль административных и одновременно политических единиц египетского государства—номов». Остается совершенно непонятным, каким образом символические знаки, своего рода эмблемы или гербы, могут «играть роль» номов, т. е. областей. Очевидно, составитель хотел сказать, что эти знаки служили для обозначения номов, но своей неясной формулировкой только запутал эту простую до очевидности мысль.

Несколько неясной и довольно трудной для недостаточно подготовленного читателя является терминология, применяемая составителем атласа. Некоторые термины очень редко употребляются и не всеми признаны, как, например, термин «Малая Африка», не совсем удачно заимствованный у Фробениуса (стр. 4). Другие термины устарели, как, например, «энеолит», теперь обычно заменяемый словом «халколит»; иные термины автором оставлены без пояснения, как, например, «письмо Брахми» (стр. 52); наконец, некоторые даны в непривычной для русского уха иностранной форме, как, например, «доместикация» (стр. 5) или «персонифицирующий» (стр. 12).

Как всякий учебник, так и всякое учебное пособие, предназначенное для целей преподавания, должно заключать в себе лишь строго проверенный и научно апробированный материал. Поэтому гипотезы могут быть здесь допущены лишь в том случае, если они серьезно обоснованы. К сожалению, составитель атласа по истории древнего Востока не всегда руководствовался этим правилом. Так, на стр. 26 объяснительного текста он указывает на то, что известные древнеегипетские женские статуэтки архаической эпохи связаны с культом великой богини, очевидно, воспроизводя какой-то традиционный момент из той оргиастической пляски, которая, возможно, изображена на некоторых глиняных сосудах этой же эпохи (стр. 9). Однако, основываясь на точном анализе целого ряда позднейших и совершенно ясных изображений и на строго канонической символике жеста, в данном случае можно с таким же успехом предположить, что эти архаические статуэтки и рисунки изображают лишь неко-

торые моменты зауспокойного танца плакальщиц. Далеко еще не обоснованной кажется нам и другая гипотеза, выставленная составителем атласа на стр. 40. Автор высказывает здесь предположение о приоритете митаннийской культуры над хеттской и ассирийской. Принимая во внимание громадное политическое влияние и культурное воздействие, которое хетты оказывали на харрийцев в Северной Сирии; гипотезу о приоритете митаннийской культуры следовало бы выставлять с большей осторожностью. Не совсем обоснованы и некоторые подписи под рисунками. Так, например, древнеиндийский иероглиф № 3 на таблице 226 В. III обозначен, как человек с бумерангом, в то время, как здесь, очевидно, дано изображение человека со щитом (стр. 52).

Некоторым недостатком атласа является и неточность в определениях и обозначениях помещенного в атласе наглядного материала, что может ввести в заблуждение неподготовленного читателя. Так, например, среди рисунков, изображающих писцов, художников и чиновников, одним словом—древнеегипетских «интеллигентов», попавших в группу «классовая структура», неожиданно помещена статуэтка бога Имхотепа, обожествленного мудреца древности. Конечно, трудно себе представить, чтобы историк мог использовать образы Геракла или Моисея для характеристики социальных отношений в древней Греции или в древнем Израиле.

Отмечу далее и целый ряд уже более мелких неточностей:

На таблице 37 помещены рисунки оттисков египетских архаических цилиндров, которые почему-то просто названы цилиндрами.

На таблице 78 помещены изображения статуй Пепи I и его сына. В объяснительном тексте сказано, что эти статуи сделаны из бронзы. На самом деле эти статуи обычно принято считать медными.

Известный рельеф Гос. музея изобразительных искусств, помещенный на таблице 84, назван в тексте «Плакальщицы. Сцена из погребальной процессии». Нет никакого сомнения в том, что на этом рельефе изображены не плакальщицы, а плакальщики.

На стр. 48 объяснительного текста указывается на то, что, по буржуазным историкам, вторжение арийцев в Северную Индию относится к середине II тысячелетия до н. э. Это указание неточно, так как некоторые буржуазные историки (как, например, Шмидт) относят это вторжение к еще более древнему времени, к середине III тысячелетия.

Неточным и в то же время спорным является безоговорочное внесение древнеэламских памятников в группу «Иран», причем эти интереснейшие памятники древнего Элама не выделены в особый раздел и часто даже не указано, что они являются предметами особой эламской культуры.

Альбом издан роскошно, в хорошем переплете и напечатан на хорошей плотной бумаге. Тем более досадно, что рисунки выполнены крайне небрежно, а фотографии в очень многих случаях искажены до неузнаваемости. Особенно неприятно видеть в очень скверных репродукциях прекраснейшие образцы древневосточного искусства, хранящиеся в советских музеях.

Однако, несмотря на все эти недостатки, атлас, содержащий в себе довольно богатый материал по культурной истории древнего Востока, сможет быть использован как педагогами средней школы, так и студентам исторических факультетов, особенно в том случае, если допущенные в нем ошибки будут исправлены во втором издании. Во всяком случае следует приветствовать начин Соцэкгиза, начавшего издавать учебные пособия по древней истории, в которых так нуждается как средняя, так и высшая школа.

Проф. В. Авдиев